

«Потому что — любовь...»

Еще раз о Дмитрие Николаевиче Журавлеве

«Уходящая раса,
Спасибо тебе...»(Эпиграф, как и название статьи,
взяты из стихов Марины Цветаевой,
которую Д.Н. любил и почитал).

Прежде чем продолжить свой рассказ, прошу внимательного читателя вдуматься в то, что написал, приступая к постановке пьесы Метерлинка «Синяя птица» (давным-давно, 90 лет назад), великий деятель российского театра К.С. Станиславский.

О работе актера: «Она должна быть наивна, проста, легка, жизнерадостна, весела и прозрачна, как детский сон; красива, как детская греза, и вместе с тем величава, как идея гениального поэта и мыслителя. (...)»

Пусть внучата, вернувшись домой из театра, испытывают радость бытия. (...)»

Пусть в то же время их бабушки и дедушки, еще раз (...) загорятся природным желанием человека: любоваться Божьим миром и радоваться тому, что он красив. (...)»

О! если б человек мог всегда любить, понимать и восторгаться природой! Если б он почаще созерцал, вдумывался в мировые тайны и мысли о вечном! Тогда, быть может, синяя птица давно летала бы на свободе среди нас...»

Какие ясные действия предлагает Станиславский актеру: любить, понимать, восторгаться, созерцать, вдумываться. (И, конечно же, его мысли касаются не только театра.)

«Боже, какая радость!»

Иногда после очередного журавлевского концерта нас с женой приглашали зайти «на чашку чая» в их маленькую квартирку «на Вахтангова» (так назывался тогда уютнейший уголок Москвы около уничтоженной впоследствии «Собачьей площадки»).

Каким-то образом все приглашенные умещались вокруг стола, на котором была незатейливая еда и, конечно же, вкусный чай. Хозяин всегда садился с краю, там, где стол упирался в стенку. Этот уголок тоже был уютный (знаю не понаслышке: иногда, в отсутствие хозяина мне дозволялось там посидеть).

Довольно быстро устроившись с едой и еще попивая чай, Дмитрий Николаевич (в удобной домашней куртке, в клетчатой рубашке, — весь домашний, теплый) уже торопился вытащить томик из стопки книг, пристроившейся под его локтем и, не дожидаясь, когда другие закончат есть, раскрывал страницу, отмеченную закладкой. И начинался «второй концерт».

Я не берусь определить, какой из этих двух концертов бывал лучше. Общее в них то, что Станиславский называл «сверх-сверх задачей» (т.е. глубинный смысл создаваемого художественного произведения). Журавлев не уставал повторять: ничего не надо выдумывать! Надо только прочесть то, что написал автор. Вот артист и раскрывал нам то, что «написал автор».

А отличались эти два концерта, вероятно, тем, что в первом («афишном») Журавлев поддерживал атмосферу и тон, которые были свойственны консерваторским концертам: радостная приподнятость, отстраненность от быта, причастность к чему-то высшему. «Домашний» же концерт соединял быт и бытие, причем делал это в самом прямом, реальном смысле. Так, истинно пушкинские строчки его письма невесте: «Прощайте, прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили», — прочитывались в тесном застолье, вписываясь в ту жизнь, которой слушатели тогда жили (жизнь с ее, так сказать, земными запахами, ощущениями, заботами). Эти строки открывались не только как гармония, поэзия, но и как обращение интимное, бытовое.

А между тем Журавлев открывал тот же томик на другой странице и, весело поглядывая на присутствующих, читал: «Стихов твоих не читаю. Черт ли в них; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе —

о своем здоровье. На хору не езди — это место не для тебя».

Дмитрий Николаевич хохотал и восклицал: «Боже! Какая радость!»

Я думаю, что был и еще один секрет этих «домашних» концертов. Слушатели обычных концертов (как и зрители спектаклей) воспринимают искусство разобщенно, каждый индивидуально, по-своему (кстати, замечу в скобках, что искусство раскрывается только вот в таком прямом общении создателя и внимателя; всякая стадность искусство убивает). Здесь же за столом индивидуальное сохранялось, но вместе с тем артист своим открытым личным отношением к прочитываемому тексту (вплоть до комментариев) создавал атмосферу единения. Все присутствующие становились своими.

Впрочем, сравнивать преимущества этих двух концертов все равно, что пытаться ответить на детский вопрос: кто главнее — слон или тигр.

Просветленность

Восклицание «Боже! Какая радость...» (и еще другое: «Боже! Какая красота...») я слышал от Дмитрия Николаевича много раз и по самым разным поводам. Как-то летом я был на гастролях в Перми, а Валентина Павловна и Дмитрий Николаевич проводили летний отдых, плывя на пароходе из Москвы в Пермь и обратно. От дочерей Журавлевых я получил строгий наказ «встретить родителей и облакаться». В частности, мы пошли в музей, в котором была тогда очень, на мой взгляд, интересная коллекция деревянной скульптуры, так называемые «Пермские боги». В этой коллекции, помню, был висящий на кресте совершенно упившийся, но очень добродушный, раскосый, скуластый пермяк. Что-то вроде местного лесовика, но распятый подобно Христу.

Кажется, Журавлевы не выразили особого интереса к этим скульптурам, во всяком случае, я совершенно не помню их реакции. А вот в отделе, где были выставлены иконы, Д.Н. буквально расцвел. Прошло много лет, но совершенно ясно вижу его лицо, тихое и просветленное, и «Боже! Какая радость...», произносилось это почти шепотом, благоговейно.

Открытие Чехова

Я много раз слышал в исполнении Дмитрия Николаевича чеховскую «Даму с собачкой». Помню, что после того концерта, когда я слушал его в первый раз, я взял дома томик Чехова и поразился, что рассказ умещается на нескольких страницах: в исполнении Журавлева он воспринимался, как развернутая повесть. Думаю, дело в том, что чтец, настолько подробно, точно, зримо, объемно знал (и видел) все, о чем говорится, что даже мельчайшие подробности и какие-нибудь лишь в одной фразе мелькнувшие третьестепенные персонажи, не нарушая композиции и пропорций, становились запоминающимися, отнюдь не проходными.

А позже я понял еще один (главный) секрет этого «увеличения объема». Читая рассказ «до Журавлева», я воспринимал его как жизненно-понятную, грустную историю «греховной» любви двух женатых людей. Журавлев же выводил эту историю совсем в иную плоскость, у него это была повесть о том, как любовь преобразует язычника в христианина.

После этого открытия я совсем по-другому стал воспринимать творчество Чехова. Так, например, пьеса «Чайка», при постановке которой обычно идут конфликт «хорошего и плохого» (и обычно, естественно, запутываются в этом неразрешимом вопросе), теперь увиделась как произведение, написан-

ное по законам музыки. А язык музыки ведь очень близок языку религии: это попытка выразить и сформулировать невыразимое.

Такое понимание Чехова помогло мне ощутить полную свободу и приподнятую над бытом легкость, когда мне самому довелось играть в чеховском спектакле. Мой персонаж, несмотря на то, что он не был любим своей избранницей, несмотря на то, что его должны были убить (и он знал, что так будет), жил в ощущении «Боже! Какая радость...». Вот когда я на практике убедился в правильности открытия Журавлевым христианского Чехова («Всегда радуйтесь!»).

Потрясение и подвиг

Еще несколько слов о «Даме с собачкой».

Премьера состоялась в 1938 году, и не менее сорока лет артист Журавлев выходил на эстраду, где не было ни партнеров, ни декораций, ни музыкального сопровождения, не было никаких световых и шумовых эффектов — только артист и публика.

И вновь небольшое отступление. Премьера спектакля «Царь Федор Иоаннович» в Московском Художественном театре состоялась в конце 1898 года. А спустя почти 38 лет (в 1936 году) на шестисотом представлении исполнитель главной роли Иван Михайлович Москвин и его партнеры услышали от К.С. Станиславского: «Играть в течение многих лет эпизодическую роль — большой труд, но играть такую роль, как Федора, в течение стольких же лет, с таким темпераментом и нутром, отдавая всего себя роли, — это есть потрясение. Шестьсот таких потрясений создают подвиг».

Валентина Павловна

Видя, как после концерта вместе с Дмитрием Николаевичем выходит на улицу невысокая, неизменно сдержанная спутница, поначалу я думал, что это и есть та самая Надежда Яковлевна Эфрон, обозначенная на афишах как режиссер. И только уже потом, после очередного концерта представленный Журавлевым, я узнал, что это Валентина Павловна — жена Дмитрия Николаевича.

А еще позже, когда на другой день после концерта я порою заглядывал к ним домой, то иногда слышал шутиливый вопрос артиста: «Ну, как мы вчера с Валентиной Павловной читали?» Дело в том, что, зная наизусть неимоверное количество текстов, Журавлев иногда все-таки мог забывать какое-нибудь слово, и Валентина Павловна из-за кулис ему всегда суфлировала.

Но в этой шутиливой произносимой фразе был и другой смысл, который мне открывался постепенно. Я ощущал, что Валентина Павловна — и есть подлинный охранитель того пространства, в которое органично вошли духовность, се-

мья, интеллигентность, музыкальность. И творчество.

В отличие от распахнутого Дмитрия Николаевича, его жена всегда очень сдержанна. Но однажды я получил сокрушительную головомойку за то, что слишком долго прогуливал ее старшую дочь Машу, ожидавшую вскоре прибавления семейства. Несколько дней я залиывал в берлоге раны, но потом, осознав свою вину, я понял, что такую открытость Валентина Павловна проявляет только к своим (меня признали!).

Другой случай открытой реакции произошел в антракте концерта в Большом зале Консерватории, когда впервые приехавший в Москву американский дирижер японского происхождения Сейдзи Одзава (если не ошибаюсь) исполнил много раз слышанную «Во поле береза стояла» (Чайковского) вне каких-либо привычек и «русской» традиции. Ошеломленный, я спросил мнение Валентины Павловны (человека, имеющего консерваторское образование). Валентина Павловна как-то напряженно помолчала, а потом воскликнула: «Лева! Это ни на что не похоже! (Т.е. это так плохо?..) Но, это... (пауза) это прекрасное...»

В сдержанной Валентине Павловне проглядывает артистизм и изысканный юмор. Как-то был концерт в одном из амфитеатров университета на Моховой. Никаких кулис, чтобы спрятать «суфлера», лишь какая-то кафедра, стоящая у края помоста. И вот на глазах изумленной публики из боковой двери с томиком в руках вышла Валентина Павловна, прошествовала через все открытое пространство и спряталась за той узкой кафедрой (для меня до сих пор загадка — как она там устроилась? Или там была какая-нибудь табуреточка?). По окончании первого отделения был сделан путь обратно. Перед вторым — опять за кафедру, а в конце — вновь в дверь. Эти перемещения вызвали улыбку публики, но в подчеркнутой серьезности исполнительницы этого внепрограммного дивертисмента проглядывала улыбка и самой Валентины Павловны, прекрасно ощущавшей комизм ситуации.

Мне всегда очень нравилась реакция Валентины Павловны на какое-нибудь соленое словцо Дмитрия Николаевича (что-нибудь вроде «обосрались народный» — если он забыл какой-нибудь текст). «Митя!» — делая строгие глаза, голосом классной дамы восклицала Валентина Павловна. Журавлевы как бы разыгрывали мгновенный этюд на тему встречи простодушного провинциала и чеховской «дочери Альбиона». Вообще, я подмечал, что многое в жизни этих двух артистичных натур было пронизано элевыми ассоциациями, насыщенными литературой, музыкой, живописью...

Все тут рассказанное есть лишь малая часть того, что хотелось бы рассказать о редком сокровище, которое здесь, на земле называется «семья Журавлевых».

Слава Богу, существуют записи журавлевского чтения, есть пластинки и даже несколько видеофильмов. Есть и его книга воспоминаний. И знаете, кому она посвящена? «Жене моей, Валентине Павловне Журавлевой посвящаю». А заканчивается книга, конечно же, стихами (из Блока):

Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

ЛЕВ КРУГЛЫЙ

Париж

Первая статья Л.Круглого памяти выдающегося актера-чтеца Д.Н. Журавлева была опубликована к 95-летию со дня его рождения и к 5-летию кончины в «РМ» №4134. Сегодня мы продолжаем эту публикацию.